

Д.Л. Асиновский

**ИДЕОЛОГИЯ И ПРАГМАТИЗМ
В РАННИХ СОВЕТСКИХ ОЦЕНКАХ
РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ 1978–1979 гг.**

Аннотация. Революция в Иране, начавшаяся в 1978 г. и достигшая своей кульминации к 1979 г., оказалась неожиданностью для абсолютного большинства мировых экспертов. Советские специалисты и принимающие решения аппаратчики не оказались исключением. В то же время к концу 1970-х годов руководство советской внешней политики было уверено в общей тенденции к развороту развивающихся стран Азии и Африки к советской модели развития. Идеологические успехи в Южном Йемене, Анголе, Мозамбике, Эфиопии сформировали среди советских экспертов представление о благоприятном развитии глобального противостояния с США в «третьем мире». Таким образом, начало революционных событий в Иране было воспринято в СССР благоприятно, хотя и с опасениями, связанными с ролью США в иранском политическом кризисе. Несмотря на то что в начале 1979 г. все более значимой силой в лагере победивших революционных сил становились шиитские религиозные лидеры, в СССР приняли решение продолжать поддерживать новый революционный режим, невзирая на явные идеологические разногласия. В статье предпринята попытка оценить причины этой поддержки и роль, которую в формировании решения играли идеологические и прагматические соображения в руководстве советской внешней политики.

Ключевые слова: Иранская революция; советская внешняя политика; глобальная холодная война; международники; третий мир; страны Азии и Африки; идеология.

Асиновский Дмитрий Леонидович – младший специалист-исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге.
E-mail: dasinovskiy@gmail.com

D.L. Asinovskiy. Ideology and Pragmatism in the Early Soviet Assessments of the Revolution in Iran 1978–1979

Abstract. The revolution in Iran, that started in 1978 and culminated by the early 1979, happened to be a complete surprise for an absolute majority of experts worldwide, including the Soviet specialists and decision-makers. At the same time, by the end of the

1970s a certain belief in the general turn of the developing countries of Asia and Africa towards the Soviet model of development stabilized among the Soviet foreign policy top officials. Ideological successes in South Yemen, Angola, Mozambique, Ethiopia, etc. formed among the Soviet experts a perception of a positive trend in the global rivalry with the United States in the Third world. Thus the beginning of revolutionary events in Iran was considered in the USSR as a positive development with certain reservations due to the ambiguous perception of the US role in the Iranian political crisis. Although in the early 1979 the growing influence of the Iranian religious leadership became evident, the Soviet Union continued to support new revolutionary regime despite obvious ideological differences. This article is an attempt to explain the reasons of that support and the role played by the ideological and pragmatic considerations in this decision.

Keywords: *Iranian revolution; Soviet foreign policy; global Cold war; the Third world; ideology; countries of Asia and Africa.*

**Asinovskiy Dmitry Leonidovich – Junior Researcher,
European University at Saint Petersburg.
E-mail: dasinovskiy@gmail.com**

В январе 1979 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви покинул Иран, и 1 февраля того же года Аятолла Хомейни с триумфом возвратился в Тегеран. В своей официальной позиции Советский Союз приветствовал свержение «реакционной монархии». Советский министр иностранных дел Андрей Громыко позже писал в своих мемуарах: «Не нам, не Советскому Союзу, сожалеть, что носитель шахской короны с завидной быстротой умчался за рубеж и кончил свой век в качестве изгнанника. Мы искренне приветствовали иранскую революцию и никогда не скрывали, что желаем поддерживать с Ираном дружественные, и только дружественные, отношения» [4, с. 416].

Впрочем, эти строки Громыко написал спустя почти десятилетие после описываемых событий, а в начале 1979 г. в советском руководстве на революцию в Иране смотрели с тревогой. Выступление Брежнева в «Правде» в ноябре 1978 г. задало основную тему опасений и главный вопрос, беспокоящий советское руководство, – какую роль играют в этой революции Соединенные Штаты? С одной стороны, опасались реализации сценария, аналогичного событиям 1953 г., – организованного американцами переворота против новой (на тот момент еще неизвестно какой, но ожидаемо антиимпериалистической) иранской власти.

С другой стороны, находились и те, кто подозревали и лидеров протеста в связях с американцами, объясняя революционные события в Иране планом ЦРУ по смещению ставшего слишком независимым иранского монарха. Так, к примеру, руководитель отдела международной информации ЦК КПСС Леонид Замятин выразил подобные опасения в эфире Центрального телевидения в интервью Валентину Зорину в программе «9 студия»: «...Когда неза-

висимая политика [шаха] не устроила американцев, было решено напомнить ему таким образом, что нужно обратить внимание на то, что происходит у него в стране. Они также позволили сформироваться этой оппозиции в Иране [...] Американцы думали, что это не повредит шаху и в то же время сделает его более сговорчивым [...] Когда начались эти события, сразу несколько сил к ним присоединились [...] все движение было вдруг возглавлено шиитским духовенством, потому что оно само пострадало от аграрной реформы, проведенной шахом. Духовенство стояло во главе протестного движения, несмотря на то что, на самом деле, оно является реакционной силой...» [17, р. 49].

Записи в дневнике Анатолия Черняева от января 1979 г. свидетельствуют о том, что это публичное выступление Замятина вызвало недовольство в Международном отделе. Впрочем, намекают они и на то, что в Международном отделе не только отсутствовало понимание происходящего в Иране, но и вовсе не уделялось особого внимания революционным событиям до середины января 1979 г. Черняев, несмотря на то что Иран был далеко за пределами его сферы ответственности в рамках Международного отдела, явно с горечью пишет о том, что его призывы обратить внимание на развитие событий, остаются без внимания. В целом эти записи Черняева могли бы послужить эпиграфом к описанию советской реакции на революцию, столь ярко они отражают непонимание и бездействие советских экспертов: «В Иране идет “революция 1905 года”, мощный разворот массовой всенародной борьбы. У нас под боком. А что мы, марксисты-ленинцы, знали об этом? Догадывался ли хоть бы один человек в Советском Союзе, что может там произойти, ученый или политик?! Чего стоит вся наша наука и теория “на службе политики”! В результате мы имеем “авторитетное” мнение руководителя Отдела международной информации ЦК, объявленное через телеэкран на весь Союз: все эти события – результат происков ЦРУ, американцы-де хотели чуть-чуть попугать шаха, ставшего не очень послушным... Замятин даже записку в ЦК написал, предлагая “проводить линию поддержки стабильности в Иране” (т.е. шаха!). Суслов и Кириленко уже начертали на записке “согласен”. К счастью, события развертывались быстрее, чем делопроизводство в аппарате ЦК. Они перехлестнули эту “линию Замятина”» [9, с. 352].

Сравнение иранских событий с революцией 1905 г. чрезвычайно примечательно. С одной стороны, оно выдает марксистскую оценку – революция в Иране, по Черняеву, получается явлением прогрессивным, хотя и не руководимым левыми силами. С другой стороны, неизбежность социалистической революции вслед за «революцией 1905 года» также, несомненно, предполагается. Что же касается явно презрительного отношения Черняева к декабрьским оценкам Замятина, то здесь он противоречит собственным

записям от ноября 1978 г. Так, в записи от 26 ноября Черняев пересказывает свой обмен репликами с ленинградским первым секретарем Григорием Романовым и напрямую цитирует свой ответ на вопрос Романова о ситуации в Иране:

«Что в Иране будет? – почти кричит он.

Не знаю. Наверно, скинут его (шаха. – *Д. А.*) американцы. Не подходит он им уже» [9, с. 344–345].

Таким образом, в отличие от января 1979 г., в ноябре 1978 г. Черняев полностью солидарен с Замятинским в оценках возможной стратегии американцев по использованию оппозиции. В целом умение увидеть во всех международных событиях «руку Вашингтона», практикуемое в частных разговорах, а не пропагандистских статьях, отражает реальные глубинные представления советских аппаратчиков (даже таких, как принято считать, «просвещенных», как Черняев) об устройстве мировой политики и, соответственно, выявляет явную специфику их взгляда при принятии решений.

Разочарование Черняева бездействием Международного отдела и в целом руководящих органов было в скором времени компенсировано. По воспоминаниям Леонида Шебаршина, в начале 1979 г. при Политбюро была создана комиссия по Ирану во главе с Брежневым, в которую входили Ю.В. Андропов, Б.Н. Пономарев и Д.Ф. Устинов. Именно этой комиссии и предстояло, по его утверждениям, отчитываться Шебаршину, как резиденту КГБ в Тегеране [11, с. 144–145]. В то же время деятельность комиссии на сегодняшний день остается загадкой. Нам неизвестно ни одного документа по итогам деятельности этой комиссии, ни одного решения, принятого комиссией. Однако, по воспоминаниям Шебаршина, именно комиссия требовала от него, как резидента, информации о происходящем в Иране. Единственным источником, подтверждающим существование такой комиссии, кроме мемуаров Шебаршина, является все тот же дневник Черняева, где 17 января 1979 г. он сделал следующую запись: «Собирал он (Пономарев. – *Д. А.*) группу консультантов. Озадачивал. На этом совещании я разразился упреками: вот уже год в Иране целая революция, а мы делаем вид, что ничего не видим. А ведь это обязанность консультантов – давать такие оценки Центральному комитету. Б.Н. игнорировал мою атаку. (А на другой день сообщил, что принято на ПБ решение создать комиссию ЦК – по записке Брежнева – по Ирану.) И сейчас всю занимается иранской революцией, о которой и слышать не хотел из моих уст» [9, с. 352].

Общая система функционирования высшего советского руководства в этот период известна нам на примере работы других комиссий при Политбюро – таких, к примеру, как активно работавшая в 1979 г. комиссия по Афганистану, документы и решения которой хорошо известны исследователям. В афганскую комиссию, так же как и в реально или номинально существующую

ющую комиссию по Ирану, входили Андропов, Устинов, Громыко, Суслов и Пономарев. Именно эти пять человек при находящемся «на шадящем режиме» больном Брежневем, которого информировали, как правило, через его советника Александра-Агентова, принимали ключевые решения в вопросах внешней политики. Пример решений по Афганистану также показывает, что даже в этой пятерке решающее слово оставалось за наиболее близкими к генсеку и обладающими самыми мощными аппаратными рычагами Андроповым, Устиновым и Громыко. Участие Суслова, Косыгина и Черненко во внешнеполитических решениях, как показывает афганский пример, ограничивалось ролями переговорщиков и говорящих голов. Для Пономарева, несомненно, влияние на выработку ключевых решений было важнейшей задачей, однако его издавна сложные отношения с Брежневым не давали ему такого уровня влияния, какой имела тройка Андропов – Устинов – Громыко. Так, решение по введению войск в Афганистан было принято, несмотря на то что Пономарев изначально выступал против [13, р. 46–73; 15, р. 128–132; 16, р. 288–330; 18, р. 260–261]. Так или иначе, вполне вероятно, что созданная в начале 1979 г. комиссия по Ирану служила вывеской для принятия решений этим узким кругом высших партийных руководителей, имевших возможность вырабатывать советскую позицию и в рамках других совещаний и работы своих аппаратов.

В целом в начале 1979 г. в советском руководстве существовало единое представление о том, что «самые важные левые силы Ирана, включая Туде, должны быть за Хомейни» [16, р. 297]. Однако развитие событий весной 1979 г. сформировало в советском правительстве две альтернативные платформы в оценке дальнейшего развития ситуации в Иране. Первую из них отстаивал Пономарев, который стоял на позиции, определенной опытом последнего десятилетия советской внешней политики в странах Азии и Африки. В Иране, по версии Международного отдела, произошла антиимпериалистическая революция, которая со временем должна будет обратиться к левым силам, чтобы они повели ее дальше. Альтернативный подход был предложен Андроповым, который предполагал, что в обозримом будущем религиозные лидеры не выпустят власть из своих рук, а левые силы и, прежде всего Туде, слишком слабы и разобщены, чтобы приобрести серьезное влияние. Андропов предлагал путь поиска компромисса с режимом Хомейни. В том числе с целью предотвратить влияние исламского правительства на дружественные Советскому Союзу Афганистан и Ирак. В частности, для формирования более уверенной позиции по выбору стратегии поведения в отношении Ирана в Тегеран был направлен Леонид Шебаршин [там же].

Шебаршин вспоминал о встрече с Андроповым перед отъездом в Тегеран, на которой председатель КГБ в том числе выражал свои сомнения по поводу идеалистических ожиданий скорого перехвата революционной

инициативы в Иране тудеистами или другой «прогрессивной» оппозицией: «Он (Андропов. – Д. А.) принимал меня накануне и во время моей иранской командировки. “Смотри, брат, – напутствовал он меня перед отъездом, – персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу, и охнуть не успеешь!” Как бы продолжая какой-то спор, Юрий Владимирович предупредил против иллюзий по поводу непрочности и недолговечности власти шиитского духовенства (Хомейни лишь недавно вернулся в Иран). И добавил, что надо внимательно разобраться в потенциале демократического движения: “Думается мне, что перспективы у левых в Иране нет”. Юрий Владимирович оказался прав» [10, с. 191].

Показательно и то, как Андропов читал сложившуюся в Иране ситуацию, на что опирался в своих оценках. Если взглянуть на его позицию относительно других членов Политбюро и прочесть его напутствие Шебаршину, может сложиться впечатление, что при оценке ситуации в Иране Андропов был абсолютным прагматиком, не опиравшимся на идеологические подпорки. Однако в воспоминаниях Шебаршин говорит о том, что в своих оценках, противоположных оценкам Пономарева, Ульяновского, Брутенца, Андропов руководствовался так же, как и все они, прежде всего марксистской теорией, впрочем, в ее классическом виде, т.е. Марксом: «И еще однажды Андропов удивил и порадовал меня. Он посоветовал мне прочесть “18 брюмера” Карла Маркса для того, чтобы глубже понять иранские события. Именно это я уже сделал раньше, меня поразила применимость многих мыслей Маркса к иранской ситуации, изящество его формулировок. Удивительно было то, что это увидел один из руководителей того периода, когда живой самостоятельной мысли, казалось, уже не было места в высоких сферах» [там же].

Несмотря на то что этот взгляд исповедовал один из узкого круга людей, принимающих ключевые внешнеполитические решения, нельзя сказать, что подобное прочтение марксистской теории оказалось наиболее влиятельным. По крайней мере весной 1979 г. информации о происходящем в Иране еще было недостаточно, и тот режим, которому Андропов сулил долгое правление, еще только формировался. На тот момент среди советских руководителей явно преобладала точка зрения развития революции. Ключевая роль религиозных лидеров в революции в этих ранних советских оценках была практически проигнорирована и воспринята как оболочка, внутри которой спрятаны реальные движущие силы революции. В качестве «реальных сил», прежде всего, подразумевалась национальная буржуазия, а политической силой ее представлявшей был расценен «Национальный фронт». Даже правительство Мехди Базаргана, утвержденное Хомейни, рассматривалось, прежде всего, как националистическое и только во вторую очередь традиционалистское. Более того, революционный перелом в Иране на этом раннем этапе наложился на общую внешнеполитическую эйфорию, связанную с советскими

внешнеполитическими успехами в «странах Азии и Африки» на протяжении 1970-х годов. Таким образом, сформировались ожидания быстрого перехвата инициативы просоветскими политическими силами или же формирования коалиционного правительства с их влиянием, следуя модели Ирака. И главной руководящей силой этого нового этапа революции должна была стать, очевидно, Народная партия Ирана – партия Туде.

Революция в Иране оказалась для находящихся в изгнании в Восточной Германии лидеров Туде полной неожиданностью. Со времени шахского запрета на функционирование Туде в Иране ее штаб-квартира находилась в Лейпциге, а все содержание партии в изгнании было возложено на Международный отдел ЦК КПСС и КГБ СССР как посредническую организацию для передачи денег лидерам Туде [8, с. 5]. Развитие событий в 1978 г. спровоцировало в ЦК НПИ вместо консолидированной реакции и программы действий внутрипартийную борьбу. Только вмешательство координаторов Туде из Международного отдела ЦК КПСС помогло сформировать определенную стратегию поведения. После падения шаха в Туде стали проводиться кадровые изменения, которые проходили в русле советского взгляда на развитие событий. Непримирымый борец с религией Ирадж Искандери был смещен с позиции первого секретаря партии и заменен на более лояльного традиционным ценностям Нуреддина Киянури. 6 января 1979 г., в преддверии своего избрания на пленуме ЦК НПИ, Киянури по предложению Вадима Загладина посетил Баку. Целью было заручиться поддержкой руководства Советского Азербайджана и лично первого секретаря Гейдара Алиева, а также эмигрантов из Иранского Азербайджана, в частности лидеров Азербайджанской Демократической Партии, оставшихся в Баку с 1946 г. [3, с. 488]. Поддерживая линию Международного отдела ЦК КПСС, Киянури в разговоре с Алиевым заявил о необходимости объединения Туде с Хомейни против шаха и США. Утверждая эту позицию в разговоре с Алиевым, Киянури, как и его патроны в ЦК КПСС, не предполагал, что Хомейни после возвращения в Иран действительно будет перестраивать страну по исламским принципам. Ссылаясь на ряд шиитских религиозных деятелей, близких к Хомейни, Киянури подчеркивал их положительное отношение к Советскому Союзу как потенциальному союзнику в их борьбе против шаха [6]. Вояж Киянури в Баку завершился успехом – партия азербайджанских эмигрантов выступила в поддержку его линии на сотрудничество с религиозной оппозицией. Впрочем, странно было бы, если лидеры АДП повели бы себя иначе. Еще за три дня до визита Киянури в Баку они встречались с Гейдаром Алиевым, который рекомендовал им поддержать позицию Киянури, аргументируя необходимость союза с муллами невероятной популярностью Хомейни [5].

Так или иначе, 13 января 1979 г. исполком ЦК НПИ избрал Нуреддина Киянури первым секретарем партии, а спустя полтора месяца Киянури был

утвержден в должности пленумом ЦК НПИ [7]. В своих заявлениях зимы-весны 1979 г. Киянури неоднократно подтверждал готовность Туде сотрудничать с религиозными лидерами: «Аятолла Хомейни завоевал нашу поддержку, когда он начал делать решительные и радикальные высказывания против шахского режима. Партия Туде признает наличие объективно прогрессивных элементов в религиозном движении. Мы делаем все возможное, чтобы найти общий язык с Хомейни. Очевидно, что он играет прогрессивную роль в развитии Ирана» [17, р. 59].

Это высказывания Киянури и другие утверждения логично вписывались в привычную систему оценок роли религии в революционном процессе. Религия уже не была верным союзником «полуфеодальной монархии», но приобрела объективно прогрессивное влияние. Однако, исходя из описанной выше теоретической роли религии в рамках идеологии, даже в случае использования религии прогрессивными силами, период, в который она могла составлять влиятельную часть нового революционного режима, обязан был быть временным. И то место, которое религия освободит со временем, должны будут занять уже подлинно прогрессивные силы, руководствующиеся научностью и атеизмом.

Вопрос о роли «Национального фронта» и в более широком смысле иранского национализма как основной движущей силы революции в Иране был увязан не только с марксистской теорией, но и с более широкой перспективой недавней иранской истории. Большое значение имел ретроспективный взгляд советского руководства на период правления Мохаммеда Мосаддыка. Напомним, что многие из высшего партийного руководства в начале 1950-х годов уже были во власти и имели возможность наблюдать весь масштаб просчета советской внешней политики, заподозрившей в Мосаддыке британского агента и упустившей возможность поддержать независимый республиканский режим в Иране. Например, второй человек в КПСС Михаил Сулов в 1952 г. был назначен Сталиным для встреч с иранскими делегациями. Другие же советские руководители – Пономарев, Ульяновский, Брутенц – тем более опасались повторить ошибку 1953 г., поскольку в своих трудах они в течение многих лет после начала хрущёвского поворота к развивающимся странам обосновывали американское влияние в Иране переворотом против Мосаддыка и не могли не понимать роль, не сыгранную СССР в той ситуации. В связи с этим практически любая аналитическая работа, посвященная ситуации в Иране в 1978–1979 гг. начиналась с описания событий 25-летней давности и предостережения возможного повторения сценария переворота при поддержке американских спецслужб. Именно в этом аналитическом контексте появилось упомянутое выше выступление Брежнева в «Правде», предостерегающее третьи силы от вмешательства во внутренние дела Ирана.

Отметим, что косвенным подтверждением реальной советской тревоги по поводу вероятного вмешательства США является тот факт, что перед публикацией заявления Брежнева в «Правде» был произведен обмен корреспонденцией в закрытом режиме напрямую между аппаратами Брежнева и Картера. Так, в письме, направленном Картеру, Брежнев повторяет предупреждение, опубликованное позже в прессе, и получает ответ об американской позиции поддержки шаха, но невмешательства во внутренние дела Ирана [12; 14]. Таким образом, риторика за закрытыми дверями была такой же, как и в публичном поле, что свидетельствует о том, что опасения, связанные с американским вмешательством в иранский кризис, существовали в головах советских руководителей, а не были просто пропагандой для внутреннего потребления.

В целом в своей публичной позиции Советский Союз приветствовал становление нового иранского режима. В частности, эту позицию высказал в своей предвыборной речи в марте 1979 г. Л.И. Брежнев: «Особо надо сказать о народной, антиимпериалистической, национально-освободительной революции в Иране. Мы, как и все искренние сторонники мира, прогресса и независимости народов, приветствуем победу этой революции, которая покорила с деспотическим, угнетательским режимом, превратившим страну в объект эксплуатации и опорную базу иностранного империализма. Мы желаем успехов и процветания новому, революционному Ирану и надеемся, что отношения добрососедства между народами Советского Союза и Ирана получат в новых условиях плодотворное развитие на прочной основе взаимного уважения, доброй воли и невмешательства во внутренние дела друг друга» [2, с. 54].

Любопытно, что примерно в то же самое время лидеры нового иранского правительства аятолла Хомейни и премьер-министр Мехди Базарган регулярно делали заявления об особенном пути развития исламской революции, независимом как от Соединенных Штатов, так и от Советского Союза. Более того, Базарган в ряде интервью достаточно откровенно высказывал свою антипатию по отношению к коммунистам и Советскому Союзу, явно подчеркивая свое стремление снизить возможное влияние СССР на внутреннюю политику Ирана.

Как и многие в советском руководстве, Базарган хорошо помнил уроки 1953 г. и ту позицию, которую партия Туде и СССР заняли по отношению к Мосаддыку: «Я не доверяю им... Я всегда был против них... С ними нет возможности договориться. Они всегда предадут. Туде предала Мосаддыка. Когда он был свергнут, ее лидеры признали свою ошибку и сожалели о ней. Но было слишком поздно» [17, р. 56].

Однако в 1979 г. вопрос контроля власти в Иране религиозными лидерами уже начинал противоречить ожиданиям советских аналитиков. Своего рода тревога и недовольство значительной ролью мулл заметны уже в самой

первой статье, посвященной иранской революции за авторством не журналиста, а специалиста из Института востоковедения Салеха Алиева: «Близкие к религиозным лидерам группировки объявляют иранскую революцию исламской и пытаются заменить ранее господствовавшую имперскую идеологию, потерпевшую полный крах, исламской идеологией. Но иранская революция, несмотря на активное участие в ней религиозных деятелей, никоим образом не была религиозным движением» [1, с. 57].

Развитие событий, последовавших за революцией 1978–1979 гг. совершенно не подтверждало теорию о «Национальном фронте», как о наследниках Мосаддыка, которые должны были бы оказаться во главе революции. Религиозные лидеры не только не планировали расставаться с властью, напротив, начали ее активно консолидировать. Религия не испарилась из идеологического дискурса ни через месяц, ни через год. Это сохранение религии как правящей (хоть и революционной) силы представляло вызов для советских идеологов и теоретиков.

Библиография

1. Алиев С.М. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране // Восток. 1979. № 3. С. 45–57.
2. Брежнев Л.И. Во имя счастья советских людей. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 года // М.: Правда, 1979. 16 с.
3. Гасанлы Дж.П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. 559 с.
4. Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. 413 с.
5. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиева с членом Исполбюро ЦК КПИ, председателем ЦК АДП Г.Я. Данешшаном. 03.01.1979 // Центральный Государственный Архив Политических Партий и Общественных Движений Азербайджанской Республики (ЦГАППОД АР). Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 28.
6. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиева с членом Исполбюро ЦК КПИ, секретарем ЦК КПИ Нуретдином Киянури. 06.01.1979 // ЦГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 35.
7. Информация о ходе проведения XVI пленума ЦК КПИ. 20.03.1979 г. // ЦГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 81.
8. Митрохин В. КГБ в Иране // Papers of Vasilii Mitrokhin. Churchill College Cambridge Archives. MITN 1/2.
9. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
10. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. М.: Алгоритм, 2014. 333 с.
11. Шебаршин Л.В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М.: Терра, 1996. 332 с.
12. Backchannel Message From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to the Ambassador to the Soviet Union (Toon) // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78. Secret.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

13. Kalinovsky A. Decision-Making and the Soviet War in Afghanistan: From Intervention to Withdrawal // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. N 4. P. 46–73.
14. Letter From Soviet General Secretary Brezhnev to President Carter. November 17, 1978 // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78.
15. Westad O.A. Concerning the Situation in 'A': New Russian Evidence on the Soviet Intervention in Afghanistan // *CWHIP Bulletin*. Iss. 8–9. Winter 1996/1997. P. 128–132.
16. Westad O.A. *Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 p.
17. Yodfat A.Y. *The Soviet Union and Revolutionary Iran*. London: Croom Helm, 1984. 168 p.
18. Zubok V.M. *A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009. 468 p.

References

- Aliev S.M. Antimonarhicheskaia i antiimperialisticheskaia revoljucija v Irane // *Vostok*. 1979. N 3. P. 45–57.
- Backchannel Message from the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to the Ambassador to the Soviet Union (Toon) // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78. Secret.
- Brezhnev L.I. Vo imja schast'ja sovetskih ljudej. Rech' na vstreche s izbirateljami Baumanskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvy 2 marta 1979 goda // Moscow: Pravda, 1979. 16 p.
- Chernjaev A.S. Sovmestnyj ishod. Dnevnik dvuh jepoh. 1972–1991 gody. Moscow: ROSSPJeN, 2008. 1047 p.
- Gasarly Dzh.P. SSSR – Iran: Azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny (1941–1946 gg.). Moscow: Geroi Otechestva, 2006. 559 p.
- Gromyko A.A. Pamjatnoe. Kn. 2. Moscow: Politizdat, 1988. 413 p.
- Informacija o hode provedenija XVI plenuma CK NPI. 20.03.1979 g. // CGAPPOD AR. F. 1. Op. 89. D. 213. L. 81.
- Kalinovsky A. Decision-Making and the Soviet War in Afghanistan: From Intervention to Withdrawal // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. N 4. P. 46–73.
- Letter from Soviet General Secretary Brezhnev to President Carter. November 17, 1978 // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78.
- Mitrohin V. KGB v Irane // *Papers of Vasilij Mitrokhin*. Churchill College Cambridge Archives. MITN 1/2.
- Shebarshin L.V. *Ruka Moskvy: Zapiski nachal'nika sovetskoj razvedki*. Moscow: Terra, 1996. 332 p.
- Shebarshin L.V. *Ruka Moskvy*. Moscow: Algoritm, 2014. 333 p.
- Westad O.A. Concerning the Situation in 'A': New Russian Evidence on the Soviet Intervention in Afghanistan // *CWHIP Bulletin*. Iss. 8–9. Winter 1996/1997. P. 128–132.
- Westad O.A. *Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 p.
- Yodfat A.Y. *The Soviet Union and Revolutionary Iran*. London: Croom Helm, 1984. 168 p.
- Zapis' besedy kandidata v chleny Polibjuro CK KPSS, pervogo sekretarja CK KP Azerbajdzhana G.A. Alieva s chlenom Ispolbjuro CK NPI, predsdatelem CK ADP G.Ja. Daneshianom.

03.01.1979 // Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Politicheskij Partij i Obshhestvennyh Dvizhenij Azerbajdzhanskoj Respubliki (CGAPPOD AR). F. 1. Op. 89. D. 213. L. 28.

Zapis' besedy kandidata v chleny Politbjuro CK KPSS, pervogo sekretarja CK KP Azerbajdzhana G.A. Alieva s chlenom Ispolbjuro CK NPI, sekretarem CK NPI Nuretdinom Kijanuri. 06.01.1979 // CGAPPOD AR. F. 1. Op. 89. D. 213. L. 35.

Zubok V.M. A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapell Hill: University of North Carolina Press, 2009. 468 p.